

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

**ТАНКОВОЕ
ЖАЛО**

МОСКВА

РАЗВЕДКА

41го

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

**ТАНКОВОЕ
ЖАЛО**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Танковое жало / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-215100-2

Выходя из окружения, капитан разведки Глеб Шубин встречает парнишку по имени Баро. Тот, рискуя жизнью, спас тяжело раненного советского бойца, который пробирался к своим. Боец сообщил Шубину, что несколько часов назад немецкие танки прорвали нашу оборону и скоро окажутся в советском тылу. Связь со штабом прервана, предупредить командование невозможно. Капитан решает выяснить, куда именно движется немецкая колонна. Баро просит разведчика взять его с собой, ссылаясь на то, что отлично знает местность. Глеб соглашается взять паренька в рейд, еще не зная, что в скором времени столкнется со смертельной опасностью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-215100-2

Унтер-офицер Шлессер толкнул калитку загона, который служил импровизированной конюшней для лошадей 94-го добровольческого кавалерийского полка СС «Амейзер». Он услужливо пропустил вперед лейтенанта Гейнца:

— Уверяю вас, Вагнер — отличный жеребец! Злой, задорный, но плеть его мгновенно усмиряет. Не зря его назвали в честь Вагнера, любимого композитора фюрера. Это не конь, а сама великая Германия во всей арийской мощи! За него предлагали огромные суммы. Но я всегда отказывал. Вам уступаю, потому что знаю, как вы цените лошадей.

Лейтенант Петер Гейнец лениво отмахнулся от назойливого спутника, он уже пожалел, что согласился поменяться лошадьми, немного доплатив. Унтер-офицер Шлессер, выпивоха и картежник, всегда отчаянно искал любую возможность добыть хоть сколько-нибудь рейхс-

марок к своему скромному жалованью. Занимал, менялся, мошенничал по-мелкому. Но небольшое жалованье и огромные долги перед сослуживцами сделали свое дело. Шлессер решил продать главное богатство кавалериста — своего жеребца Вагнера. Поэтому и предложил офицеру Гейнцу забрать себе статного, угольно-черного красавца вместо его кобылы, которая была ранена в ногу во время очередного отступления. Теперь и без того нерасторопная рыжая лошадь заметно хромала, особенно после многокилометровых маршей по пересеченной местности. Третий день Шлессер увивался за Гейнцем и порядочно ему надоел своим страстным желанием как можно быстрее провести обмен и получить обещанные пятьдесят рейхсмарок за разницу в лошадиной стати.

— С такой кормежкой любой Вагнер превратится в скелет, — ворчливо возразил Гейнец. — Гнилая солома и ни грамма овса. Хорошая лошадь требует хорошего содержания.

— Вагнер переварит и поленья, только станет еще злее, — нахваливал Шлессер свой товар. Он уже чувствовал купюры у себя в руках и предвкушал сегодняшний загул.

Неожиданно владелец жеребца перешел с масленого тона на визг:

— Ах ты скотина! Убери руки, убери! Дрянь, паразит, как ты здесь оказался?!

Гейнец тоже скривился и брезгливо отшатнулся. В загоне возле Вагнера, вцепившись в черную гриву, застыл грязный и оборванный бродяжка — цыганенок лет десяти. Черные кудри ниже плеч слиплись в сальные пряди, из-под них блестели угольки глаз в обрамлении густых ресниц. Через прорехи рубахи и намотанной сверху такой же ветхой шали была видна смуглая кожа.

— Это же цыган, Шлессер, — скривился лейтенант. — От него сейчас конь пропахнет гадостью! Или заразится чем-нибудь!

— Я отгоню его, герр лейтенант! — Шлессер суетливо затоптался по маленькому загону, не решаясь кинуться на мальчишку. — Подождите! Сейчас духу его здесь не будет! Чертов оборванец!

Цыганенок вдруг выкрикнул на немецком:

— Лос! Вервюнш!¹

Шлессер в ответ попытался ударить мальчишку плеткой, но промахнулся и стеганул коня. Вагнер взвился, тяжелые копыта взмахнули в воздухе, и немецкие кавалеристы кину-

¹ Прочь! Проклятие!

лись к загородке подальше от мощной фигуры. Юркий цыганенок, наоборот, смело нырнул под брюхо и затаился между ног Вагнера, который нервно переминался у столба.

— Ах ты скотина. — Унтер-офицер снова сделал попытку ухватить мерзкого мальчишку и вытащить из-под коня. Но из страха получить удар копытом никак не мог подлезть вниз, между ног жеребца.

— Фу, Шлессер, боже, не прикасайтесь к этому бродяге, умоляю! — Гейнц вытащил платок и прикрыл им нос, будто спасаясь от невыносимого зловония. — Он же заразный, цыгане — это животные, настоящие животные. У них тысячи болезней: сифилис, вши, лихорадка, оспа и чего похуже... Хуже, чем евреи и русские, самая низшая раса. У них нет даже дома, они живут на улице, как бродячие собаки. Не трогайте его, уверен, подцепите какую-нибудь гадость.

Петер Гейнц вскрикнул и метнулся в сторону, грязный комок закрутился у него под ногами. Мальчик толкнул калитку на входе, не смог одолеть ее тяжесть и открыть и шмыгнул обратно к длинным ногам Вагнера. Раздраженный лейтенант вытащил табельный «маузер» и попытался поймать в прицел цыганенка.

Тут уже взревел Шлессер:

— Нет, нет, вы заденете моего жеребца! Вы перебьете ему ногу! Как его потом продавать?! Уберите пистолет!

Гейнц недовольно скривился, но все же убрал оружие:

— Он облапил своими грязными руками Вагнера. Никакая дезинфекция теперь не поможет, наверняка у него бешенство, блохи и чесотка. А то и что похуже. Он невыносимо смердит, да сделайте же что-нибудь, Шлессер!

Унтер-офицер в это время наконец изловчился, вцепился всей пятерней в густые кудри незваного гостя и выволок его из-под жеребца.

— Ах ты сучонок, мерзкая тварь! Пришибу тебя, раздавлю, как червя! — Вместе с ругательствами на ребенка посыпался град ударов. Взбешенный фашист хлестал его плеткой так, что одежда и кожа лопались, во все стороны летела кровь, мальчик визжал от боли, корчился, как маленький зверек, и выкрикивал непонятные слова, от которых вдруг охнул офицер Гейнц:

— Вот черт, Шлессер. Кажется, он вас проклял.

— Чего? — Распаленный унтер-офицер замер с занесенной для удара плетью в руках.

Гейнц сделал шаг назад, с настороженностью поглядывая на мальчика, который лежал ничком без движения в соломе на полу загона.

— Во время боев в Румынии мы часто встречали цыган, местные их до ужаса боятся. Потому что они умеют наводить порчу и проклинать. Мне кажется, он вас только что проклял. Слова были очень похожи на проклятия румынских цыган.

— Это полная чушь! — отрезал Шлессер, но все же опустил руку с плетью. А потом и вовсе сделал шаг назад, чтобы быть подальше от маленького оборвыша.

— Не знаю, не знаю. Кажется, вы его до смерти забили, — протянул собеседник: он вытянул шею, чтобы рассмотреть неподвижное тельце ребенка. — Командир нашего полка как-то польстился на молоденькую цыганку и позабавился с ней от души. Ее мать потом выла и корчилась на пороге штаба, ужасно всем надоело, командиру пришлось пристрелить ее, так всех достала своими криками. Перед смертью она выкрикивала проклятия, точь-в-точь как этот паршивец сейчас. А на следующий день нашего командира разорвало на куски прямое попадание снаряда «сталинского органа». Даже хоронить было нечего, ничего не осталось.

Знаете, — Петер распахнул калитку загона, — я передумал обмениваться лошадьми. Вдруг этот звереныш перед тем, как сдохнуть, проклял вас вместе с вашим жеребцом. Проклятие перейдет на меня, если я заберу Вагнера. Пускай это все глупые выдумки, только я не хочу испытывать судьбу. Сделка отменяется, Шлессер!

Унтер-офицер в отчаянии ухватился за полу офицерского сюртука, не давая Гейнцу выйти из загона:

— Стойте, герр лейтенант. Это ведь просто сказки, выдумки. Мальчишка говорил чушь, я уверен! Ничего ему не будет, эти цыгане — они, как бродячие собаки, очень живучие. Уверен, он просто просил еды или умолял не бить его. Я выкину его сейчас отсюда, и мы закончим наше дело. Я скину вам три рейхсмарки за эти неудобства. Уверяю, это глупость какая-то. Вагнер здоров, и никаких проклятий на нем нет!

— Ну уж нет! — Кавалерист с брезгливой гримасой стряхнул окровавленную лапу унтер-офицера. — Пристрелите его немедленно, если он жив! У этого дикаря явно бешенство! Наверняка и ваш жеребец теперь болен, а может, и вы вместе с ним! Не прикасайтесь ко мне! Я чистокровный ариец, а вы мне предлагаете оседлать коня после этого отребья.

— Вы сами сказали, что этот цыганский ублюдок может наслать на меня смерть, если я его убью! Я не буду тратить на него пулю! — взвился Шлессер.

— Он уже издох и проклял вас! — Петер плечом оттолкнул навязчивого унтера. Он со всей силы в порыве отвращения дернул калитку, отчего не удержался на ногах и грохнулся на спину с высоты своего немаленького роста. Впившийся как клещ в край формы Шлессер шлепнулся на карачки рядом.

Вдруг что-то огромное и темное пронеслось над их головами и грохнуло копытами на той стороне невысокой ограды. Это был Вагнер, к холке которого прижался окровавленный цыганенок. Мальчишка пронзительно свистнул, шлепнул грязной ладошкой меж ушей, отчего конь уже за оградой взвился в свечку, громко всхрапнул и стрелой рванул по поселковой улице в направлении полоски леса на горизонте.

Миг — и конь с наездником превратились в черный силуэт в облаке пыли. Только мальчишеский пронзительный вскрик будто повис в воздухе:

— Мэрэс ту, фашист!!! Мэрэс ту!¹

¹ Сдохни, фашист! (*цыганск.*)

ГЛАВА 1

Полсотни закутанных в грязную, оборванную одежду людей разбрелись по улицам. Они стучались в наглухо запертые двери, закрытые ставни и не получали ответа. Лишь в одном доме распахнулась дверь и показался древний старик с топором наперевес:

— А ну хватит разбойничать! Брать у нас нечего, сами голодаем который год. Уходите!

— Стой, отец, стой! — Из толпы мужчин, одетых в грязные обноски, заросших щетиной, выступил высокий, статный, но очень худой брюнет. Он протянул красную корочку документа к прищуренным старческим глазам. — Капитан РККА Шубин. Вот, посмотрите, есть документ, это офицерская книжка.

Старик досадливо отмахнулся, он давно уже видел весь мир как смутные пятна из света и тени.

— Чего ты мне под нос свою филькину грамоту суешь! Бумажка твоя не указ, сказал же — уходите. Брать у нас нечего.

— Да послушай, отец. — Голос у мужчины был мягким, несмотря на пугающий вид лесного разбойника — густая черная щетина, безразмерный тулуп в заплатках, застиранные до белесых разводов галифе и прохудившиеся сапоги. — Еды нам не надо, не собирались мы вас обирать. Знаем, что немцы все до последней крохи забрали. Туго вам при фашистах пришлось. Мы к вам с миром, отец, поверь. Свои мы. — Он указал на молчащих в стороне товарищей. — Со мной ребята местные, они из Севастопольского района. Партизанский отряд, сейчас добираемся своим ходом от передовой к штабу на освобожденной территории. Ребята идут, чтобы добровольно записаться в армию, вместе со своими немца гнать с нашей земли.

Старик вслушивался в слова, не доверяя своим слабым глазам, но рука с топором уже опустилась вниз.

Капитан Шубин объяснил ему спокойно, что они ищут в деревне.

— Нам бы место для ночлега. Третьи сутки в дороге, совсем измотались. Хоть сарай какой, чтобы не на улице, не на земле голой. Больные

есть, им никак нельзя прямо на земле спать. В избу не просимся, уж больно грязные, в дороге помыться не случилось. Через лес пробирались, форму только в штабе получим, когда на место прибудем, а пока вот выглядим как бродяги. От холода спасались, не до нарядов. Может, есть у вас где какой сарай заброшенный, чтобы хоть на соломе нам больных уложить на ночь?

Хозяин домишки повел белой бородой.

— А сколько вас народу-то, командир? — Он различал лишь большое серое пятно из людей рядом со своей оградой.

— С полсотни, — тяжело вздохнул Глеб Шубин. Командир партизанского добровольческого отряда был и сам измотан многодневным пешим марш-броском без еды и теплого ночлега. — Да ты скажи, может, развалины есть или дом заброшенный, мы там устроимся. Нам бы на ночь только заболевших уложить, а то не дойдут они до штаба на своих ногах.

Успокоившийся старик уже спускался с трудом по шатким ступеням вниз.

— Ох, куда же вас... Так, в баню с пяток уместится. — Он ткнул скрюченными пальцами на крышу своего дома. — На сеновале вот еще место есть. В доме на полатах сам я сплю, на лавке еще, да на полу вповалку можете разместиться.

Сарая нет у меня, на дрова давно разобрали фашисты.

Старец, который перестал подозревать, что перед ним проходимцы, стал гостеприимным.

— С колодцу воды наносите, ребятки, хоть кипятка похлебаете. Пожевать-то нечего совсем. Сам сижу третьи сутки с пустым брюхом, — посетовал хозяин дома. — Дров тоже нема, давно сил нет в руках, чтобы рубить. И не знаю, чем вам помочь-то, ребята.

Глеб Шубин с радостью предложил:

— Так давайте мы вам по хозяйству поможем за ночлег. Дров нарубим, воды натаскаем впрок. Вы только скажите, где ведро у вас. Лес в какой стороне, мы знаем, оттуда и пришли. Раз вы нас приютили, то без помощи не оставим. Ну, отец, где ведро? Сейчас все сделаем! Товарищи, все за дело!

Хозяин домишки засуетился, показывая свое нехитрое хозяйство, и работа закипела. Часть отряда отправилась в лес за дровами, остальные таскали из колодца воду и наполняли ею все емкости, которые нашли. Уже через два часа задурился дымок в давно не топленной печке, а в баньке партизаны нагнали сильнейший жар, так, что уже на входе занимался дух.

Командир строго предупредил:

— Смотрите, аккуратно, не спалите старику баню. Моемся по очереди, оставьте теплой воды хозяину. Поможем ему и постираться, и помыться тоже.

Раздетые догола мужчины азартно прогрели свое тряпье на раскаленной каменке.

— Товарищ капитан, осторожно мы. Страсть как помыться охота, ведь неделю уже одежды не снимали. К коже вместе с грязью приросла. Вы бы тоже ополоснулись, воды хоть залейся. На всех хватит, ребята еще натаскают.

— А давай! — согласился капитан Шубин.

До чего же приятно Глебу было скинуть все вплоть до исподнего, а потом отмываться, тереться скрученной в комок выстиранной портянкой, пока не заскрипит кожа. Он выливал на себя ушат за ушатом теплой воды, фыркал и постанывал от приятных ощущений.

Следом за командиром потянулись по очереди в крошечную баню другие члены партизанского отряда. Тут же сушили на горячих камнях печи влажную одежду. Натягивали ее и высказывали наружу, уступая место следующим. Люди были измучены голодом, ноги стертые до язв от многодневного похода, кожа зудела от расплодившихся вшей и воспаленных мозолей. Да только все сейчас это было не важно, их из-

нутри разрывала невероятная радость — живы, выжили в немецкой осаде, выбрались на освобожденную территорию и почти уже добрались до тыловой территории, где расположен штаб округа. Там они смогут присоединиться к действующим частям РККА, стать частью мощной силы, что гнала войска вермахта с оккупированного юга советской земли.

Помывка продолжалась до наступления темноты, потом так же долго партизаны устраивались на ночлег. Укладывались вповалку, в тесноте на сгнившей соломе или голом дощатом полу, но и эта постель казалась такой мягкой и уютной после сна на ледяной, стылой земле в лесу или поле под ветрами и моросью.

Хозяин дома все суетился среди мужчин, стараясь помочь и загладить свою вину за то, что поначалу был неприветлив. Его гости из всех сил старались оказать помощь старику в благодарность за ночлег: латали покосившийся забор; мели двор, сгребали мусор на заброшенном огороде; заделывали щели между бревнами, чтобы защитить одинокого старичка от сквозняков; а трое крепких мужчин укладывали у остывающей бани заготовленные поленья в высокую стену. Будет у хозяина дома запас дровишек.

Вдруг из-за ограды позвал тоненький голосок:

— Дедушка Тиша, дедушка Тиша, это я, Галюшка.

Дед на ощупь добрался на зов ребенка до забора:

— Галюшка, ты чего? Случилось чего? Матери худо?

— Нет, нет, деда. — В старую руку легла грубая лепешка. — Вот мамка велела вам гостинец снести, из лебеды пекли сегодня. Велела передать, чтобы вы спросили у пришлых про тятю нашего. Может, знают его, видели где, в госпитале, может, лежит раненый? Похоронки-то ведь не было. Это наши, деда, советские? Или бандиты опять?

— Тю, Галюша, — дед поманил ее рукой, — держи-ка лепешку, сама ешь, жуй, жуй. Я сегодня картошку в подполье нашел, уже отобедал. Пойдем, пойдем, у командира ихнего спросим про тятю твоего. Тугой я на ухо стал, Галюша, вдруг какое слово мимо пролетит. А у тебя уши острые, все ответы услышишь.

Из-за калитки показалась девочка лет двенадцати, закутанная в огромную телогрейку и в таких же больших, не по размеру, валенках. Она сделала несколько робких шагов по двору,